

Сталинизм, в отличие от ленинизма, не стремился просветить массы, выявить это противоречие целей и предлагаемых средств, адекватных целям; он эксплуатировал их невежество, их предрассудки, т.е. сталинизм, по своей сути, антинароден. Для раннего сталинизма характерна ориентация на вторую часть трудящихся. В этом плане он не отличается от фашизма.

В 30-е годы по мере укрепления исполнительной власти и создания соответствующей армии бюрократии адекватной социальной базой сталинизма становится бюрократия. Вот

УДК 323.329

Белявцева Д.В.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

С понятием «политическое сознание» тесно связано понятие «политическая идентичность»: политическая идентичность является одним из продуктов политического сознания. Вместе с тем политическая идентичность является также продуктом объективных факторов, таких, например, как структура политического пространства и его динамика. Политическая идентичность сама может оказывать значительное влияние на специфику политического сознания. Поэтому она может также рассматриваться как составляющая политического сознания. Понятие идентификации обозначает соотнесение субъектом себя с определенной позицией на основе саморефлексии. Это же понятие обозначает и соотнесение субъекта с определенной позицией, производимое другими субъектами отношений. Таким образом, процесс идентификации включает в себя также оценку окружающих соответствия занимаемой позиции. Если экстраполировать данную позицию на понятие политической идентификации, то можно согласиться с российским исследователем Ю. Качановым в том, что «политическая идентификация субъекта установлена, когда другие субъекты политических отношений кодифицируют его как ... определенного агента путем приписывания ему тех же значений идентичности, которые он признает для себя или объявляет сам» [6, 113]. Следовательно, под политической идентичностью можно понимать отождествление субъектом политического процесса себя с определенной политической позицией, признаваемое другими субъектами политических отношений.

Политическая идентичность формируется под влиянием следующих основных факторов: психологической деятельности субъектов, системы ценностей, которые интериоризируются субъектами, и спецификой структуры политического пространства. Политическая идентичность имеет групповую природу. Следовательно, она проявляется в ощущении принадлежности к какой-либо группе (например, партии, идеологическому течению и т.д.) и как отождествление группой себя с какой-либо политической позицией и признание этого со стороны других субъектов политического процесса (например, борьба партий или общественных движений за возможность влиять на принятие политических решений, влияние региональных элит). Таким образом, политическая идентичность проявляется в первую очередь через партийную, идеологическую идентификацию, идентификацию члена общественной организации или движения, а также определенного города, региона или в целом государства.

Достаточно важным вопросом является проблема идентификации граждан с определенным идейно-политическим направлением, представителями определенных идеологических течений. Наиболее часто для характеристика такой идентификации используется шкала «левый-правый». Данная ось традиционно применяется для описания структуры поли-

почему сталинизм и народ поверхностно соединённые на начальных этапах нашей истории, с течением времени всё дальше отходят друг от друга. В этом плане репрессии 30-х годов есть разрешение противоречия между «народным» и «бюрократическим» сталинизмом.

Таким образом, по всем основным параметрам сталинизм есть явление, качественно отличающееся от ленинизма.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ленин В.И. О нашей революции. - Полн. собр. соч. Т. 45. М.

тического пространства: позиций различных политических сил, политических предпочтений избирателей и т.д. Деление на левых и правых имеет достаточно длительную историю. Вместе с тем в каждой отдельно взятой стране смысл, вкладываемый в данные понятия, несколько отличается. Эти отличия обусловлены историческими традициями, например формой и содержанием основного политического раскола. Кроме того, на смысловое содержание данных понятий наложили отпечаток особенности социальных конфликтов и социально-политических проблем на определенных этапах развития.

Следует отметить, что применение этого инструмента для анализа идеологической идентичности в Республике Беларусь представляется проблематичным. Во-первых, в Республике Беларусь отсутствует сложившаяся традиция идеологической соревновательности (точнее, она была прервана на длительный срок). Следовательно, в сознании граждан не могли сложиться более или менее цельные и устойчивые образы левых и правых. Обретение идеологической идентичности – задача довольно сложная. Представляется, что идеологические заимствования у европейских политических партий, которые нашли отражение в названиях белорусских партий, мало что значат. Содержание политико-идеологических доктрин, а тем более различия между ними вряд ли известны широкой общественности и не всегда осознаются рядовыми членами партий. По мнению российского исследователя И.Л. Кирилкиной, в настоящее время можно вести речь лишь о нескольких самых общих идеологических ориентациях в партийно-политическом пространстве Беларуси [7, 10].

Во-вторых, для жителей Беларуси все же характерно наличие некоторых социально-экономических, социокультурных расколов, по которым отдельный человек может занимать различные позиции, часто не вписывающиеся в простое деление на левых и правых. Поэтому у нас при классификации партий по их идеологическим доктринам обязательно надо учитывать отношение партий к государственности Беларуси, к проблемам национально-культурного возрождения, в том числе государственности белорусского языка. Например, на одной линии партийного континуума трудно расположить две существующие коммунистические партии Коммунистическую партию Беларуси и Партию коммунистов Белорусскую. Они расходятся в отношении к частной собственности, свободе средств массовой информации правам и свободам человека и некоторым другим политическим ценностям [10, 130].

Взяв за основу классификации отношение к рынку, частной собственности, взаимоотношениям личности и государства и т.д., действующие партии можно расположить примерно следующим образом: правые партии (КХП БНФ, ЛДП); правоцентристские партии (партия БНФ, ОГП); левоцен-

Белявцева Дина Владимировна, аспирант каф. социально-гуманитарных дисциплин РИВШ Белорусского государственного университета.

Беларусь, БГУ, г. Минск.

тристские партии (БСДГ, БСДП (НГ), БПЖ «Надежда», БПТ, СДПНС); левые партии (ПКБ, КПБ, БПП, АП, РПТС). Тем не менее, расположение партий по шкале «левые-правые» сопряжено со значительной долей упрощения реального положения в обществе (в эту схему не всегда вписываются, например организации, представляющие экологические, профессиональные и иные интересы).

Под партийной идентификацией мы вслед за А.Кэмпбеллом понимаем психологическую связь с партией, а не легальные отношения с ней [17, 10]. В целом же отношения граждан с партией могут быть объективными (формально-легальное членство) и субъективными (партийная идентификация). С.Верба и его сторонники по указанным критериям выделяют четыре категории граждан: 1) аполитичные (не являются членами партий и не имеют партийной идентификации); 2) со слабой партийной идентификацией (не обладающие формальным членством, слабо поддерживающие партию); 3) умеренно аффилированные (члены партии и одновременно нейтральные сторонники, или обладающие сильной партийной идентификацией, но не имеющие формального членства, или обладающие формальным членством и умеренной идентификацией); 4) сильно аффилированные (имеющие формальное членство и сильную идентификацию с партией) [17, 108-110]. Приобретение и развитие партийной идентификации происходит в процессе социализации личности. Огромную роль здесь играют семья, школа и особенности социальной среды (социально-экономические, этнорелигиозные, исторические и т.д.). Интенсивность партийной идентификации объясняется либо «эффектом жизненного цикла» (лояльность к партии увеличивается с возрастом в результате длительного отождествления себя с партией) [15, 1000-1018] либо «эффектом поколений» (политическая социализация старшего поколения происходила в эпоху, когда лояльность к партии была значительной) [14, 520], либо «эффектом периода» (некоторые исторические события – войны, революции, экономические кризисы – разрушают традиционные предпочтения как молодых так и пожилых граждан) [16, 523]. Партийная идентификация зависит от социально-демографических, культурных, исторических и географических особенностей, и, следовательно, может различаться по регионам.

Партийная идентификация, как психологическая связь с партией, может быть определена через участие в выборах и представительство партий в парламенте, социологические исследования (рейтинг популярности, готовность голосовать за партии или их лидеров на выборах, важность партийной принадлежности тех или иных лидеров и т.д.).

Объективно белорусские партии имеют достаточно низкий рейтинг популярности. По данным ИСПИ, в конце 2000 г. самой популярной была КПБ (10,2%), БПЖ «Надежда» (8,9%), АП (5,3%), Партия БНФ (3,4%), популярность остальных была ниже 3%. [12, 122]. В ноябре-декабре 2002г., по данным ИСПИ, 61,5% жителей страны не поддерживали ни одну из имеющихся в стране политических партий. Самый высокий рейтинг был у БПЖ «Надежда» - 8,4%, далее шли КПБ – 6,3%, АП – 4,7%, БЭПЗ – 3,5%, БП «Зеленые» - 3,3%, РПТС – 3,2%, рейтинг остальных был ниже 3%.

Летом 2002 г., по данным НИСЭПИ, 62,5% граждан затруднились определить за кандидата какой партии они бы проголосовали на выборах в местные органы власти в марте 2003 г. При этом самый высокий рейтинг был у ЛДП (7,6%), БПЖ «Надежда» (6,9%), ОГП (3,6%), ПКБ (3,6%), Партия БНФ (3,1%) [8, 31]. С учетом того, что в опросе НИСЭПИ не фигурировали левые партии, в целом данные исследований ИСПИ и НИСЭПИ совпадают. Наибольшей популярностью пользуется БПЖ «Надежда», а рейтинг популярности политических партий в стране объективно низок. Например, при оценке характеристик кандидата, влияющих на выбор при голосовании, только 4% опрошенных отметили партийность (общенациональный опрос НИСЭПИ и Центра социальных и экологических исследований БГУ, сентября 2000 г.) [9, 68].

В 2000 г. из 268 представителей партий в Национальное собрание было избрано 16, при этом большинство из них

представители левой ориентации. Однако данные показатели условны и не совсем точны, так как, не все партии принимали участие в выборах, а для избирателей большее значение имели личные качества кандидатов.

Говорить о региональных особенностях партийных предпочтений вообще сложно. Например, четвертая часть всех партийных кандидатов в депутаты на выборах 2000 г. была зарегистрирована в Минске. В Брестской области было избрано 2 представителя КПБ и по одному от Республиканской партии труда и справедливости и Социал-демократической партии Народного Согласия, в Витебской - 1 от Аграрной партии, в Гомельской - 1 от КПБ и 4 от Аграрной партии, Гродненской - 1 от КПБ, Могилевской - 1 от КПБ, Минской - 1 от КПБ, г. Минске - 1 от Республиканской партии труда и справедливости и 1 от Белорусской социально-спортивной партии.

По данным ИСПИ, в апреле 2000г. КПБ поддерживало 8,8% опрошенных. При этом в Могилевской области – 10%, Гомельской - 13,5%, Минской – 8,7%, Гродненской – 7,8%, Витебской – 7,6%, Брестской – 6,6%, Минске – 5,4%. БПЖ «Надежда» была достаточно равномерно представлена во всех регионах (от 5,2% до 9,3%). ПКБ имела самый высокий рейтинг популярности в Гомельской области – 6,7% при среднем по стране показателе 3,3%. Партия БНФ доминировала Гродненской области (6,5%), и Минске (5,9%). ОГП – в Минске (9%) и Гродненской области (3%). ЛДП в Минске – 4,7% [12, 8, 17].

Данные показатели в целом коррелируют с результатами исследований НИСЭПИ в 2002г. Например, ОГП в Гродненской области имела 8,2% сторонников, в Минске - 4,8% (при среднем по республике показателе 3,6%), Партия БНФ в Брестской области - 8,4% (средний показатель по стране 3,1%), КХП БНФ в Гродненской области - 6,8%, г. Минске - 6,1% (при среднем показателе 2,9%). Более или менее равномерно в регионах представлены БПЖ «Надежда» (за исключением Гомельской области - 11,6%) и ЛДП (за исключением Брестской области - 13,7%) [8, 31-32].

Представленные данные косвенно свидетельствуют о партийной и идеологической идентификации. В Западной Беларуси и столице более популярны правые или правоцентристские партии (КХП БНФ, ЛДП, Партия БНФ, ОГП), а также левоцентристские партии (БСДГ, БПЖ «Надежда»). В восточной части страны – левые или левоцентристские (КПБ, ПКБ, БСДП НГ, БПЖ «Надежда» и др.). Однако сложно делать научно обоснованные выводы об идеологической составляющей политических предпочтений в условиях, когда большинству населения долгое время была знакома только одна идеология - коммунистическая, а существующие в Республике Беларусь партии еще сами до конца идеологически не оформились.

В целом партийная и идеологическая идентификация слабо развита в Республике Беларусь, оказывает незначительное влияние на политические ориентации и предпочтения и более характерна жителям столицы. Это подтверждает распространенную точку зрения о том, что партийная идентификация как устойчивая детерминанта политических представлений и предпочтений свойственна стабильным демократиям. Некоторое доминирование левых партий в целом на территории Республики Беларусь, вполне можно объяснить исходя из западных концепций «эффекта жизненного цикла», «эффекта поколений» и «эффекта периода». Региональные различия в партийной идентификации в большей мере связаны с социокультурными (этнорелигиозными) особенностями населения Западной и Восточной Беларуси, а также столицы. При этом на партийную идентификацию населения г.Минска оказали влияние и такие социально-экономические индикаторы как уровень урбанизации, статус поселения.

Очень слаба поддержка политических партий и через членство в них. Всего 4% опрошенных в апреле 2000 г., по данным ИСПИ, отметили, что они либо являются членами партий, либо принимают участие в их работе [3, 49]. По данным Министерства юстиции на 01.01.2003 г., только 9 партий из 19 имели численности свыше 1,5 тыс.: ЛДП – 17,637 тыс.,

РП – 9,149 тыс., ПКБ – 7,878 тыс., КПБ – 4,108 тыс., БСДП НГ – 4,076 тыс., ОГП – 3,125 тыс., СДПНС – 2,881 тыс., РПТС – 1,629 тыс., БПЖ «Надежда» – 1,508 тыс. При этом значительно выделяются по численности ЛДП, РП и ПКБ. В целом же можно говорить о более или менее реальной поддержке через объективные отношения (формально-легальное членство) только семи партий, имеющих около трех и более тыс. формальных членов. Позитивным сдвигом в белорусской партийной системе является создание большинством из указанных партий региональных отделений, что свидетельствует об углублении и расширении процесса партстроительства. Однако в целом большинство политических партий не выходят за пределы столицы.

Если использовать классификацию С. Вербы и его сторонников, то во всех регионах республики преобладают аполитичные граждане и незначительная доля граждан со слабой партийной идентификацией. В столице к указанным типам добавляется очень маленькая прослойка умеренно аффилированных граждан. Однако вряд ли можно говорить об аполитичности населения Республики Беларусь только на основании отсутствия у них партийных и идеологических пристрастий.

В связи с этим нам представляется более обоснованной типология политического сознания, учитывающая партийную идентификацию, российского исследователя К. Холодковского. Он выделяет три группы: вовлеченные, интересующиеся, незаинтересованные [13, 126]. Среди белорусских граждан вовлеченные представляют очень маленькую группу. К ним относятся члены партий и связанных с ними массовых союзов и объединений, среди которых выделяется еще менее значительная группа активистов, которая с трудом поддается учету при социологических исследованиях. В основном доминируют две группы интересующиеся и незаинтересованные. К интересующимся относятся не участвующие в политических организациях, но проявляющие по большей части умозрительный интерес к политике. Для них политика является как бы чуждой сферой, находящейся «рядом» с ними. У незаинтересованных сознание вообще слабо «прорастает» в политическую сферу.

Наша точка зрения подтверждается результатами исследований ИСПИ. Для большинства граждан интерес к политике носит вербальный характер – 47% получают политическую информацию из СМИ, 39,6% обсуждают политические события в кругу семьи, с друзьями, коллегами по работе. Даже в период избирательной кампании 2000 г. только около 3% избирателей вели агитацию за своего кандидата, 1,7% собирали подписи по выдвижению кандидата в депутаты, 1,3% работали доверенными лицами кандидата в депутаты, 7,4% участвовало в работе избирательных комиссий [9, 47]. В ходе избирательной кампании 2001г. 72,9% респондентов не хотели проявлять никакой активности, 10,7% – собирались принять участие в работе избирательной комиссии, 9,7% – вести агитацию за своего кандидата.

По регионам можно проследить некоторое своеобразие. Наиболее активными оказались жители Гомельской области. Только 62,2% из них стремились ограничиться голосованием, 12,0% – собиралось участвовать в работе избирательной комиссии, 20,0% – вести агитацию за своего кандидата, 4,0% – собирать подписи в поддержку кандидата. Самым пассивным оказалось население Брестской области – 79,6% предпочли только голосование. Среди остальных регионов разница является не значительной.

При этом интерес представляют, на наш взгляд, особенности видов деятельности, которые доминируют в том или ином регионе. Выделяются например, политические установки жителей г. Минск и Могилевской области. Именно в этих регионах граждане больше всего стремились работать либо в штабе кандидата (3,1%, 2,7% в г. Минске и Могилевской обл. соответственно при среднем показателе по стране 1,6%), либо быть доверенным лицом кандидата (2,7%, 4,9% в Минске и Могилевской обл. соответственно при среднем показателе по стране 2,1%) [5, 102].

Таким образом, можно предположить, что среди регионов группа интересующихся несколько больше в г. Минске, Гомельской и Могилевской областях, а группа незаинтересованных – в Брестской области. Группа вовлеченных, в целом, является незначительной и, в большей мере, представлена в столице. Причем, по мнению К. Холодковского для нее характерен идеологический выбор, который связан с более или менее осознанным отождествлением своей позиции с позицией партии или кандидата [13, 128].

В пользу доминирования социокультурного (этнорелигиозного) фактора в политической идентификации свидетельствует также приоритетное значение локальной идентификации над общенациональной, которое было установлено в ходе проекта «Фатализм и его влияние на экономические реформы и демократические процессы» в 1995-1996 гг. В иерархии интересов, которыми руководствовались граждане при выборе депутатов Верховного Совета в 1995 г. Первые позиции занимали личные (75,4%), региональные (49,1%) и земляческие (46,1%) интересы. Последние места занимали национальные (31,1%) и государственные (30,5%) [1, 34]. По мнению отечественного исследователя И. Бугровой, в общественном сознании белорусского народа сегодня присутствует два образа государства, которые представляют собой варианты проективной модели белорусской государственности: модель Великого Княжества Литовского и модель Советского Союза и соответственно БССР. Первая версия основывается на идее правового государства, вторая – на идее социально справедливого государства, со значительным контролем над обществом и патерналистскими чаяниями [1, 34].

Тенденцию к доминированию личных, локальных интересов над общенациональными, государственным продемонстрировали и выборы депутатов Национального Собрания 2000 г. По данным ИСПИ, почти треть (32,8%) опрошенных при голосовании исходит из практических целей – какую пользу региону, городу, предприятию и лично избирателю принесет тот или иной кандидат. Вместе с тем, установка в целом на локальные интересы сопровождалась учетом политических взглядов (23,5%), и государственных интересов (23,1%) [9, 48].

Следует заметить, что местные особенности сегодня актуализируются более, чем когда либо в целом в мире. Это является одним из парадоксов глобализации. В подтверждение можно привести мнение авторов Всемирного доклада по культуре, которые считают, что «культурные взаимопроникновения вызывают многочисленные трансформации и рост новых местных культур» [2]. На наш взгляд соотношение своих интересов с локальной системой социальных связей есть одно из средств поддержания идентичности в условиях быстро меняющейся действительности. В динамичном и нестабильном мире происходит усиление первичной идентичности, т.е. тех устойчивых элементов культурных моделей, которые обычно описываются как традиционалистские. Как показывают опросы, с миром в целом или континентом отождествляют себя лишь 11% жителей планеты, тогда как со страной – 29%, а с городом или провинцией – 57% [11, 23].

В 2000 г. в Республике Беларусь отождествляли себя с миром в целом или континентом 7,9%, со страной – 24,8%, городом или провинцией – 67,2%. При этом, интерес представляет тот факт, что, например, количество идентифицирующих себя с городом с 1993 по 2000 гг. выросло с 52% до 66%, количество идентифицирующих себя с провинцией упало с 30% до 1,2%, а количество, идентифицирующих себя со страной выросло с 12% до 24,8% [11, 23].

На наш взгляд, изменения в политической идентичности происходят во многом под влиянием деятельности политической элиты, как центральной, так и региональной, поскольку политическая идентичность не только изменчива, но и зависит от конкретного политического окружения. Она в значительной степени результат борьбы между различными элитами. Региональная элита является тем элементом политического окружения, который влияет на формирование политиче-

ских ориентаций, предпочтений, ценностей и т.д. Пытаясь объединить определенную группу людей и продемонстрировать ее отличия от других групп, политические элиты прибегают к системе культурных маркеров или символов (публичные церемонии – праздники, фестивали, манифестации, т.д. – гербы, флаги), способных укрепить солидарность между членами группы, вырабатывают стереотипы, в том числе о памятных местах и территориях, и исторические мифы (политик может с пользой для себя о каком-то факте истории забыть, а значение другого – выпятить).

Эффект влияния местных элит в политическом процессе начинает проследиваться и в Республике Беларусь. Особенно показательно в данном случае электоральное поведение. Например, в августе 2001 г. накануне выборов самый низкий рейтинг у А.Г.Лукашенко был, как ни парадоксально, в Могилевской области (51,4%), здесь же было наибольшее число неопределившихся (31,4%). Белорусские исследователи Е.И.Дмитриев и М.Н.Хурс связывают это с отсутствием контакта с электоратом у губернатора и влиянием на какую-то часть региональной элиты со стороны В.Леонова [5, 137-138]. Электоральный раскол в областях в ходе выборов Президента 2001г. в значительной мере проходил по условной черте город – сельские поселения, малые города. Данное явление во многом коренится в отношениях между областной, городской и сельской номенклатурой в отдельных регионах, которая сформировалась еще до 1990 года. При этом ценности патернализма определяющим образом действует не только на элиту, но и население среднего и старшего возраста. Наиболее привлекательной для белорусских избирателей является власть, которая берет на себя ответственность за социальную защиту населения, а не принимает политические решения и управляет экономическими отношениями.

Все выборы и президентские, и парламентские, и местные в определенной степени проводятся с использованием электоральных возможностей региональных элит. Таким образом, региональная элита может рассматриваться как механизм влияния центральной власти на электоральное поведение. Со временем она способна превратиться в достаточно влиятельную политическую силу. При этом влияние региональной элиты на местное население можно условно назвать аполитичным, поскольку для жителей регионов важны не политические предпочтения представителя элиты, а его способность защитить, помочь, решить определенный вопрос. Следует также заметить, что и сама региональная элита зачастую демонстрирует свой политический нейтралитет, мотивируя его невозможностью заниматься политикой на занимаемой должности.

Усилению влияния региональной элиты способствует также деятельность ее по формированию местного патриотизма, и даже региональной идентичности (через развитие имиджа территорий, привлечение инвесторов, «продвижение» региона в соседние государства и т.д.). Например в белорусских СМИ, обсуждались столичные амбиции Витебска, в Гродненской области создано общественное объединение «Ратуша», которое стало стартовой площадкой для участия в президентской кампании С.Домаша как представителя именно региональных элит. Региональная элита стремится структурировать политическое пространство в регионе, используя различные косвенные методы, в том числе контроль над СМИ в области, практику проведения различных «круглых столов» по инициативе областной администрации, а также установление контактов с теми или иными общественно-политическими объединениями.

Среди элементов политического пространства влияющих на политическую идентификацию в последнее время начинают выделяться общественные объединения. Вторжение «непартийных» организаций в сферу политики происходит не изначально, с момента их создания, а лишь на определенной фазе их общественной активности. В рамках диалога общественно-политических сил общественные объединения вторгаются в сферу властных, государственных структур и начинают, так или иначе, взаимодействовать с ними. Любая политика участников диалога изменить действующее законода-

тельство, например, как это имело место с изменениями и дополнениями в Избирательный кодекс Республики Беларусь, или же добиться каких-либо решений от правительства и Президента придает их действиям политический характер, а их самих делает субъектами политических отношений и политического процесса.

Таким образом, сегодня есть все основания говорить о политической роли некоторых белорусских общественных объединений или о политических аспектах их деятельности. В качестве подтверждения можно привести тот факт, что по данным Центризбиркома 881 (6,03% от общей численности) представитель общественных объединений был включен в состав территориальных избирательных комиссий по выборам депутатов местных Советов депутатов двадцать четвертого созыва, 723 (16,70% от общей численности) - в состав окружных избирательных комиссий.

На сегодняшний день большинство общественных объединений сосредоточено в столице – 49,5%, далее идут Гомельская область – 11,32%, Витебская область – 9,84%, Гродненская область – 8,57%, Брестская область – 8,01%, Могилевская область – 6,86%, Минская область – 6,25%. Региональные различия по количеству действующих общественных объединений наблюдаются в основном по оси центр-периферия, а также немного выделяется Гомельская область. Политическую направленность имеет деятельность только около 4,94% всех организаций республики (по данным самих организаций) [4; 5, 7]. По регионам наблюдаются различия (в процентном отношении). В Брестской области политическую направленность имеет 6,28% объединений, в Витебской – 8,12%, в Гомельской – 6,20%, в Гродненской 8,19%, в Могилевской – 7,39%, в Минской – 9,35%, г.Минске – 4,55% [38; 96, 129, 171, 220, 254, 282, 307]. Таким образом, вряд ли на сегодняшний день можно считать значительным влияние общественных объединения на политическую идентификацию граждан. Однако недооценивать эту тенденцию в будущем нельзя.

Примечательным является тот факт, что в отличие от партий общественные объединения, деятельность которых носит политический оттенок, в большей степени работают в регионах. Различия по областям не являются существенными, а вот в столице их значительно меньше в процентном отношении. Однако по численности таких организаций Минск лидирует. Например, в столице, политическую направленность имеют около 116 структур, в Гродненской области – 36, в остальных регионах еще меньше [подсчитано по 4; 489, 491-492]. И все же соотношение организаций, участвующих в политическом процессе и не участвующих, не в пользу столицы, что очевидно объясняется жесткостью конкурентной борьбой в г. Минске за политическое влияние. Это пространство гораздо раньше стали осваивать политические партии, здесь сосредоточена в основном вся политическая элита, ресурсы влияния которой гораздо обширнее и сильнее. На местах же политическое пространство практически не освоено: политические партии только создают свои региональные структуры, местная элита также в основном условно является аполитичной.

Таким образом, политическая идентификация - это отождествление субъектом политического пространства себя с определенной политической позицией, признаваемое другими субъектами политических отношений. Она формируется под влиянием не только психической деятельности субъекта, системы ценностей, которая интериоризируется им, но и специфики структуры политического пространства, а, следовательно, может различаться по регионам. Локальные особенности определяются не только интенсивностью деятельности тех или иных субъектов политических отношений (партий, общественных движений, местных элит), но другими факторами (социокультурный, экономический). Политическая идентификация проявляется через партийную, идеологическую идентификацию, идентификацию члена общественной организации и движения.

Партийная идентификация как психологическая связь с партией в целом слабо развита в Республике Беларусь и оказывает незначительное влияние на политические предпочте-

ния, установки и ценности населения. Тем не менее, появляется тенденция формирования региональных различий в партийной и идеологической идентификации населения Республики Беларусь. Можно предположить, что при доминировании условно левых и левоцентристских партий в целом по стране, в Западной Беларуси и г. Минске несколько более популярны условно правые, правоцентристские (КХП БНФ, ЛДП, Партия БНФ, ОГП) и левоцентристские партии (БСДГ, БПЖ «Надежда»), в Восточной Беларуси – условно левые и левоцентристские (КПБ, ПКБ, БСДП НГ, БПЖ «Надежда»). Региональные различия в партийной идентификации в большей мере связаны с социокультурными особенностями населения, уровнем урбанизации и статусом поселений. Это также подтверждается доминированием локальной, региональной идентичности над общегосударственной.

Очень слаба поддержка партий через членство в них. В целом, в республике преобладают интересующиеся и незаинтересованные граждане. Среди регионов группа интересующихся несколько больше в г. Минске, Гомельской и Могилевской областях, а группа незаинтересованных – в Брестской области. Группа вовлеченных, в целом, является незначительной и, в большей мере, представлена в столице. Для нее характерен идеологический выбор, который связан с более или менее осознанным отождествлением своей позиции с позицией партии или кандидата. Представленность группы вовлеченных в основном в г. Минске видимо связано с особенностями структуры политического пространства. Именно в столице партии в основном осуществляют свою деятельность, здесь же сосредоточена в целом вся политическая элита, которая в том числе может быть условно отнесена к группе вовлеченных.

Начинается тенденция к влиянию на политическую идентификацию региональной элиты. Условно это влияние можно назвать аполитичным. Однако деятельность по формированию местного патриотизма, региональной идентичности (например, в Витебской и Гродненской областях), участие в выборах Президента 2001г. (С. Домаш), попытки структурировать политическое пространство региона, контролировать СМИ и т.д. заставляют предположить усиление властных амбиций региональной элиты в будущем.

Формируется тенденция к устойчивому участию в политическом процессе общественных объединений. Их влияние на политическую идентичность в целом незначительно. Но при этом большая политическая активность общественных объединений наблюдается в регионах, а не в г. Минске, что связано во многом с особенностями столичного политического пространства.

УДК 316 (03)(Бел)

Крюков Д.В.

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ВВЕДЕНИЯ СИНЕРГЕТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В СОВРЕМЕННУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ НАУКУ

В социальной жизни характер становления нового, как правило, жестко и однозначно не предопределен содержанием старого. Это положение, казалось бы, находится в прямой оппозиции к еще недавно господствовавшей точке зрения о том, что явления общественной жизни подчинены строгой исторической закономерности, однозначно детерминируются, выступают следствиями экономических условий жизнедеятельности людей. Однако названная оппозиция не является абсолютной.

Противоположность точек зрения снимается в их диалектическом синтезе на более высоком уровне, когда адекватным выражением закономерностей социального бытия и социально-политической деятельности выступает мысль об особой синер-

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Бугрова І. Ідэнтычнасць Беларусі: 3 вопыта «разумеўчай» паліталогіі // Грамадзянская альтэрнатыва. – 1999. - № 1. – С. 33-46.
- Всемирный доклад по культуре 1998. Культура, творчество и рынок. - М.: ЮНЕСКО, 2001.
- Выборы - 2000 в зеркале общественного мнения / Под ред. М.Н.Хурса. – Мн.: ИСПИИ, 2000. – 96 с.
- Даведнік беларускіх грамадскіх аб'яднанняў / Уклад. І.М.Чыркі і інш. – 4-е выд., перапрац. – Мазыр: ТАА ВД «Белы Вецер», 2002. – 500 с.
- Дмитриев Е.И., Хурс М.Н. Беларусь: итоги и уроки президентских выборов 2001. - Мн.: ИСПИ, 2002. - 264 с.
- Качанов Ю.Л. Опыт о поле политики. [Интерференция]. - М.: Ин-т эксперимент.социологии, 1994. – 159 с.
- Кирилкина И.Л. Состояние и основные тенденции развития белорусской партийной системы // Полис. – 2001. - № 4. – С. 108-113.
- Новости НИСЭПИ. – 2002. - № 3.
- Ожидания, реалии и уроки парламентских выборов в Беларуси / Под ред. М.Н. Хурса. - Мн.: ИСПИ, 2001. - 230 с.
- Политические партии: Беларусь и современный мир / М.Ф.Чудаков, А.Е.Вашкевич, С.А.Альфер и др. – Мн.: Тесей, 2002. – 368 с.
- Семенко И.С. Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура.// Полис. – 2003. - № 1. – С. 5-23.
- Социально-политическая ситуация Беларуси: проблемы и перспективы: по материалам социологического мониторинга: Сб. науч. трудов / Под общ. ред. М.Н.Хурса. – Мн.: ИСПИ, 2000. – 329 с.
- Холодковский К.Г. Некоторые вопросы развития массового политического сознания // МЭиМО. - 1979. - № 6. - С. 125-135.
- Abramson P.R., Aldrich J.H. The Decline of Electoral Participation in American // The American Political Science Review. - 1982. - Vol. 76. - № 3. – P. 502-521.
- Jennings M.K., Marcus G.B. Partisan Orientation over the Long Haul: Results from the Three-Wave Political Socialization Panel Study // The American Political Science Review. – 1984. – Vol. 78. - № 4. – P. 1000-1018.
- Norpoth H, Rusk J.G. Partisan Dealignment in the American Electorate: Itemizing the Deductions since 1964 // The American Political Science Review. – 1982. – Vol.76. - № 3. – P. 522-537.
- Wattenberg M.P. The Decline of American Political Parties. 1952-1984. - Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 1986. – 199 p.

гетической детерминации явлений общественной жизни.

Современный социум представляет собой настолько сложную систему, что становится невозможным или недостаточным говорить о каких-то неумолимых закономерностях, конкретно и однозначно предопределяющих ее движение. Каждый из бесчисленных элементов этой системы способен при определенных условиях оказать существенное влияние на процессы общественных изменений, дать им неожиданный поворот. И этот поворот может носить радикальный характер, иметь решающее значение в обретении системой соответствующего качественного состояния [1, 296].

Потребность применения новых подходов в осмыслении социально-политической реальности, которая не находит уже

Крюков Дмитрий Валерьевич, аспирант РИВШ Белорусского государственного университета. Беларусь, БГУ, г. Минск.